

**ИСТОРИЯ И ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
НИИКСИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО (ЛЕНИНГРАДСКОГО)
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
(ИНТЕРВЬЮ С В.Е. СЕМЕНОВЫМ В СВЯЗИ С 75-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ)**

Поступило в редакцию 10 июня 2017 г.

Интервью с российским социальным психологом, доктором психологических наук, профессором Валентином Евгеньевичем Семеновым приурочено к его 75-летию. В нем представлено несколько образов ученого – руководитель, исследователь, общественный деятель, поэт. Воспоминания Семенова реконструируют сложный период в развитии отечественной социальной психологии, а именно Ленинградской научной школы, сформировавшейся под руководством Е.С. Кузьмина. Подробно изложены этапы становления и причины завершения деятельности научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ). В интервью приводятся взгляды ученого на связь прошлого, настоящего и будущего отечественной социальной психологии.

Вопросы интервью подготовлены директором ИП РАН Анатолием Лактионовичем Журавлевым* совместно со старшим научным сотрудником лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН Татьяной

* Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, профессор, директор ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корпус 1; e-mail: adm3@psychol.ras.ru.

Валерьевной Дробышевой**. Вопросы задавала Т.В. Дробышева, ниже публикуются вопросы и ответы на них В.Е. Семенова.

1. Валентин Евгеньевич, сложно представить современного социального психолога, который бы не знал Вашу фамилию, в первую очередь, в связи с теми научными трудами и учебными пособиями, которые опубликованы и широко известны в нашем профессиональном сообществе и научном мире в целом. Однако не все коллеги, особенно научная молодежь, информированы о Вашей деятельности, связанной с руководством большим научным коллективом. В связи с этим позвольте начать наш разговор именно с этой Вашей ипостаси, т.е. «Семенов-руководитель». А начнем мы с экскурса в историю отечественной социальной психологии, период создания одной из первых в стране лабораторий социальной психологии в НИИ комплексных социальных исследований при Ленинградском университете.

Можете ли Вы назвать точную дату открытия лаборатории? Каковы основные (научные, исторические, социальные) предпосылки ее организации? Кому принадлежала идея? Кто был организатором (организаторами) этого события? Укажите, пожалуйста, кратко, в чем заключался его (их) вклад? В чем заключалась роль Е.С. Кузьмина и роль Б.Г. Ананьева в создании лаборатории?

Первая в нашей стране (тогда Советском Союзе) лаборатория социальной психологии появилась в Ленинградском госуниверситете на отделении психологии философского факультета в сентябре 1962 года. Она была одним из

** Дробышева Татьяна Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, там же; e-mail: tdrobysheva@mail.ru.

воплощений идеи о комплексном изучении человека руководителя отделения психологии, академика АПН РСФСР, профессора Б.Г. Ананьева и научных интересов работавшего у него доцента Евгения Сергеевича Кузьмина, который, основываясь на трудах В.М. Бехтерева, считал необходимым создание такой лаборатории. Первую появившуюся ставку лаборанта получил выпускник отделения психологии ЛГУ А.Л. Свенцицкий, трудившийся после выпуска журналистом. Одновременно, в качестве работников по хоздоговорным исследованиям с промышленными предприятиями, стали появляться другие сотрудники лаборатории.

2. Кто возглавил лабораторию в этот период? Кто возглавлял НИИКСИ? Какие цели и задачи (научно-исследовательские, практико-ориентированные) были поставлены перед коллективом лаборатории в первые годы работы? В последующие периоды? Выделите, пожалуйста, самое главное.

Лабораторию, естественно, возглавил Е.С. Кузьмин. А НИИКСИ начал свою деятельность только в ноябре 1965 года по решению Совета министров РСФСР и Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР (Приказ № 410 от 22 июля 1965 г. «Об утверждении Положения о НИИКСИ»). Директором НИИКСИ был назначен доктор философских наук, профессор ЛГУ В.Я. Ельмеев, в дальнейшем один из главных теоретиков планирования социального развития на промышленных предприятиях и в регионах. Идеино-научной основой создания НИИКСИ послужила концепция комплексного изучения человека, принадлежащая выдающемуся отечественному психологу Б.Г. Ананьеву (1907-72). Практически это был первый в нашей стране исследовательский институт в сфере социальных наук, что было засвидетельствовано в «Книге рекордов Петербурга (все самое-самое в истории и жизни города)», изданной в Санкт-Петербурге в 1995 году.

Начало 1960-х гг. в истории нашей страны было временем «оттепели», раскрепощения после очень суровой и противоречивой послевоенной эпохи. Жить стало легче, благополучней и свободней. Количество громадного труда и лишений превратилось в качество научно-технических, культурных и бытовых достижений. Косыгин проводил экономические реформы. Полет Юрия Гагарина стал всенародным торжеством. Молодежь бредила космосом, физикой и поэзией, с энтузиазмом встретила социологию и психологию. Поэтому появление НИИКСИ было закономерным новаторством. Лаборатория социальной психологии под руководством Е.С. Кузьмина изначально была заложена в структуру НИИКСИ вместе с лабораториями экономических исследований (руководитель В.Р. Полозов), социологических исследований (В.А. Ядов), юридических исследований (Д.А. Керимов), инженерной психологии (Б.Ф. Ломов), дифференциальной психологии и антропологии (Б.Г. Ананьев) и лаборатории программированного обучения (А.Ф. Эсаулов). Через два года к ним присоединилась лаборатория социологических исследований молодежи под руководством В.Т. Лисовского.

До вхождения в НИИКСИ лаборатория социальной психологии прежде всего занималась проблемами трудовых коллективов на промышленных предприятиях и методолого-методическими проблемами, осваивая разнообразные методы и методики социально-психологического исследования. Причем собирались сотрудники в основном на квартире у своего руководителя. В Институте круг проблем расширился: на первый план вышли социально-психологические проблемы планирования социального развития на предприятиях в тесной связи с экономическими, социологическими и юридическими исследованиями. Пришлось заниматься и проблемами эффективности СМИ и пропаганды.

3. Можно ли выделить основные этапы в развитии научной и научно-практической деятельности лаборатории? Какие направления исследований были характерны для каждого из названных Вами этапов?

Безусловно. Первый этап прошел под руководством Е.С. Кузьмина (1962-77 гг.): зарождение и становление в нашей стране социальной психологии и, прежде всего, промышленной психологии, в исследованиях лаборатории, основанной Е.С. Кузьминым. Разработка проблематики методов социальной психологии (А.Л. Свенцицкий, И.П. Волков, В.Е. Семенов). Защита докторской диссертации «Основы социальной психологии» Е.С. Кузьминым и выход соответствующей монографии (ЛГУ, 1967 г.). Социально-психологическое обеспечение планов социально-экономического развития на промышленных предприятиях Ленинграда (хрестоматийный пример – НПО «Светлана», руководитель А.А. Русалинова) и других регионов (от Мурманска до Баку, от Пензы до Ангарска). Причем участвовали и в территориальном планировании городских районов и целых городов. Значимое экспериментальное исследование эффективности новостных программ Ленинградского телевидения (научный руководитель В.В. Бойко).

Второй этап прошел под руководством В.Е. Семенова (1977-89 гг.): социально-психологический аспект комплексного исследования образа жизни работающих ленинградцев, в том числе новаторское применение метода наблюдения массового поведения. Теоретическое осмысление социально-психологических проблем образа жизни. Выход значимой коллективной монографии «Социально-психологические проблемы нравственного воспитания личности» под редакцией В.Е. Семенова (Л.: Изд-во ЛГУ, 1984) ведущих сотрудников лаборатории В.А. Богданова, А.А. Русалиновой, В.Е. Семенова, Н.Ф. Федотовой. Системное хоздоговорное исследование эффективности городской газосветовой рекламы (научный руководитель В.Е. Семенов). Начало плодотворного сотрудничества с учеными из Института психологии РАН

(Москва), а также Лейпцигского университета. Разработка Ю.Н. Емельяновым новой темы «Активное социально-психологическое обучение». Участие в разработке комплексной общегородской программы «Организация работы с населением по месту жительства» (научный руководитель В.Е. Семенов, 1986-87 гг.). Это была попытка концептуализации планирования социального развития, но уже не на предприятиях, а по месту жительства, в быту. Программа заложила основу для развития местного (муниципального) самоуправления. К ее разработке привлекалось руководство всех соответствующих служб (от общепита до работников культуры и милиции). Куратором была очень энергичная зам. председателя Ленгорисполкома В.И. Матвиенко.

Третий этап прошел также под руководством В.Е. Семенова (1990-99 гг.): исследование динамики ценностно-нравственных ориентаций населения и морально-психологического климата общества в условиях смены государственного строя. Концептуальное изучение массового искусства. Зарождение концепции российской полиментальности. Повсюду нарастал постперестроечный хаос. Нищенское финансирование. Воистину «спасение утопающих стало делом рук самих утопающих». Тотальное совместительство. Неожиданные средства на значимые исследования (например, по договору с Петербургской епархией РПЦ было проведено первое в истории города репрезентативное социально-психологическое исследование религиозных проблем). Участие во всероссийской программе «Народы России: возрождение и развитие».

Четвертый этап осуществлялся под руководством канд. психол. наук Л.А. Ясюковой (2000-14 гг.): перепрофилирование тематики лаборатории под запросы школьного и высшего образования. Исследование динамики личностных и ментальных особенностей учащихся разных типов образовательных учреждений (от школы до ВУЗа) с использованием целой батареи оригинальных методик и тестов (Л.А. Ясюкова) в контексте

институтской темы «Константы российской ментальности и тенденции изменений в общественном сознании россиян», а затем «Духовно-нравственные ценности как важнейший фактор социального согласия и развития».

4. Вы возглавили лабораторию после Е.С. Кузьмина. Были ли у Вас сомнения в правильности принятия такого решения? В чем это выражалось?

Когда Евгений Сергеевич в 1977 г. предложил мне возглавить лабораторию, так как кафедра социальной психологии факультета психологии ЛГУ (опять же первая подобная кафедра в стране, созданная им) занимает у него слишком много времени, да и находится лаборатория теперь далековато (раньше они находились в одном здании – дворце графов Бобринских на Галерной улице, а теперь кафедра на набережной адмирала Макарова). Но я в это время уже больше года работал у Кузьмина на кафедре и был его заместителем, то есть мне предстояло вернуться к моим коллегам и друзьям в качестве начальника. А мне хотелось заняться собственными исследованиями, докторской. Однако Евгений Сергеевич показал мне эгоизм моей позиции и преимущества руководства лабораторией, в том числе в исследовательском плане.

5. В развитии любого коллектива, научного в том числе, наступают периоды организационных изменений. В каком году Вы возглавили НИИКСИ? Как происходила смена руководителя? Насколько сложным стало для Вас принятие решения о том, чтобы возглавить коллектив НИИКСИ? Что Вас подтолкнуло к такому решению?

Время, когда я приступил к директорским обязанностям, было, конечно, не из легких – февраль 1999 года, но все же не первая половина 1990-х. К тому времени Евгений Сергеевич Кузьмин уже ушел из жизни – это случилось в июне 1993 года. Посоветоваться было не с кем. Стать директором НИИКСИ мне предложил тогдашний директор, известный классик социологии молодежи, Владимир Тимофеевич Лисовский, который, в связи с все ухудшающимися

условиями для научной деятельности и возрастом, переходил на полную ставку профессора на факультет социологии ЛГУ. Своей харизматичностью и позитивом он напоминал Евгения Сергеевича. Ему пришлось руководить институтом в самые тяжелые, как нам казалось, годы (1993-98). Мы не знали тогда, что самые убийственные для науки годы реформ еще впереди. А я тогда работал профессором на факультете социологии и по совместительству руководил лабораторией социальной психологии в НИИКСИ. Как ни странно, особых сомнений и борьбы мотивов по поводу директорства у меня не было. Естественно, волновала судьба Института, с которым я сроднился. К тому же я успел поруководить целым рядом разнообразных ответственных хоздоговорных исследований и заказных проектов, в том числе разработкой городской программы, о чем выше упоминал, а также поработал по совместительству проректором по науке в одном из петербургских ВУЗов. И самое главное, сотрудники НИИКСИ выражали мне поддержку, им не хотелось обрести какого-нибудь «кота в мешке». Меня же они знали и наблюдали достаточно долго. Да и мне не хотелось получить того же «кота в мешке» в качестве руководителя. В общем, на ученом совете НИИКСИ, в который входили и представители других учреждений, а также подразделений университета, я был выбран тайным голосованием почти единогласно, хотя у меня был соперник, один из руководителей лабораторий нашего же института. Мы с ним, конечно, оглашали наши программы, были выступления членов совета – все, как полагается.

6. Известно, что в тот период основной состав Института представлял собой сотрудников, чья деятельность не была связана с психологией. Это были юристы, социологи, экономисты... С какими трудностями Вы столкнулись как руководитель в деятельности научного коллектива, представляющего разные отрасли науки? Что помогло Вам тогда?

Во-первых, за многие годы работы в НИИКСИ мы все привыкли взаимодействовать с представителями разных научных дисциплин, во-вторых, в

«лихие девяностые» почти все юристы и многие экономисты покинули институт в поисках лучших зарплат. В главном государственном ВУЗе города постоянно задерживали и без того мизерную зарплату, а юристы и экономисты тогда были востребованы псевдорыночным обществом.

7. Какие задачи Вы поставили перед коллективом, возглавив его? Что из намеченного тогда Вам удалось реализовать в дальнейшем?

Учитывая сложившиеся квазирыночные условия, необходимость по сути выживания и непредсказуемую обстановку, я призвал коллег к активному сотрудничеству с факультетом социологии, который был наиболее близок нам по специализации преподавателей и тематике исследований. Тем более, что ряд его сотрудников, начиная с декана А.О. Бороноева, ранее работал в НИИКСИ, а в ректорате витал дух объединения факультетов с научными институтами в некие учебно-научные центры. Следовало попробовать объединить научно-педагогические потенциалы факультета и института. Так как положение преподавателей было, все-таки, более стабильным и надежным, нам было необходимо приобщаться к чтению лекций, проведению семинаров и практики для студентов, научному руководству дипломными и курсовыми работами. Кроме того, вместе легче проводить крупные научные конференции и осуществлять международные контакты. Необходимо было развивать взаимопольное сотрудничество и с другими факультетами и подразделениями университета, а также с внешними организациями. Другой задачей, которую должен был решить институт – постоянный поиск заказов, хоздоговоров, проектов, грантов, практик консультирования и разнообразных тренингов для улучшения нашего финансового положения. Следующей, и может быть самой главной, задачей являлось осуществление коллективного, взаимопомогающего и этичного стиля нашей совместной деятельности. Была также поставлена задача дальнейшего развития сочетания теории и практики в деятельности Института и проведение назревшей оптимизации его структуры.

Несмотря на то, что положение университетской науки продолжало ухудшаться, что-то из задуманного удалось воплотить в жизнь. Так, уже через год возник Учебно-научный центр социологии СПбГУ, в который входили факультет социологии и НИИКСИ. Сотрудники НИИКСИ стали работать по совместительству на факультете, а некоторые преподаватели на таких же условиях в институте. Произошло взаимопроникновение института и факультета. Вместе проводили международные и всероссийские конференции (в том числе Первый всероссийский социологический конгресс в Санкт-Петербурге в 2000 г.) и научные семинары, выпускали коллективные монографии и сборники научных трудов. Было проведено адекватное происшедшим изменениям переструктурирование Института: упразднена лаборатория юридических исследований, создана новая хозрасчетная лаборатория культурного наследия, исторической социологии и археологии, которую «придумали» мы с известным историком и археологом, профессором Г.С. Лебедевым, появилась и новая лаборатория политической социологии и психологии (рук. В.Е. Семенов). Лабораторию дифференциальной психологии и антропологии в связи с новыми запросами пришлось преобразовать в лабораторию прикладного человекознания и социальной работы (рук. В.Н. Келасев). Несколько лет в НИИКСИ успешно действовал «Центр разрешения конфликтов» (рук. канд. психол. наук О.В. Аллахвердова). Было налажено сотрудничество с филологами СПбГУ, что проявилось в совместных социологических исследованиях состояния русской речи в Петербурге и городах российской провинции (2004-10 гг.), поддержанных грантами научных фондов. Совместно с географами была разработана городская программа повышения экологической культуры населения. В совместные монографии вылилось сотрудничество с польскими и американскими учеными. Очень важным достижением я считаю научно-практические конференции и их изданные материалы, посвященные фундаментальным и актуальным проблемам

отношений и сотрудничества церкви, государства и общества в России, проведенные НИИКСИ совместно с СПб Духовной академией, «СПб Собором православной интеллигенции» и Университетом технологии и дизайна (2000-2012 гг.). Высокозначимой и резонансной стала организованная Институтом Всероссийская научно-практическая конференция «Современные проблемы российской ментальности» в ноябре 2005 года, посвященная 40-летию НИИКСИ. Несомненно, очень полезным и в научном, и в практическом плане было наше совместное с Комитетом по молодежной политике администрации города начинание: выпуск ежегодных докладов «Положение молодежи в Санкт-Петербурге» под моей редакцией, для которых проводились специальные репрезентативные социологические исследования, собиралась всесторонняя информация о молодежи. Данные анализировались, по ним давались выводы и рекомендации. Однако с приходом новой городской администрации нас лишили этой возможности. Цикл исследований учащейся молодежи был продолжен (на конкурсных условиях) по заказу Комитета по науке и высшей школе администрации города. Не могу не отметить и разнообразные инновационные акции НИИКСИ в сфере социальных практик (инициативные опросы, инициация конкурсов социальной рекламы среди школьников и студентов, студенческие митинги против безнравственности на российском телевидении и др.).

Вместе с тем, становилось все очевиднее, что ни наши концепции, ни, казалось бы, красноречивые, социально значимые данные эмпирических исследований, ни социально-позитивная харизматическая активность просто не востребованы университетским руководством и властью на более высоких уровнях. Наш поиск «правды-истины» (Питирим Сорокин) и забота о социальной справедливости им просто были чужды. Приход нового ректора СПбГУ в 2007 г. очень скоро ознаменовался заявлением, якобы идущим от деканов факультетов, о нецелесообразности деятельности научно-исследовательских институтов в СПбГУ. И все 14 институтов были упразднены

(физики, химии, математики, астрономии, лазерных исследований, радиофизики, два биологических и т.д.). Впрочем, следует откровенно сказать, что директора этих заведений, «по-тихому», просто сдали свои институты, хотя я пытался организовать наше общее сопротивление произволу. И единственный институт социальных и гуманитарных наук – НИИКСИ, который сопротивлялся, «добили» только в конце 2014 года, практически за полгода до 50-летия его функционирования и развития.

8. Валентин Евгеньевич, поделитесь секретами жизнестойкости научного коллектива в сложных социально-экономических условиях развития российского общества. Как Вам удавалось зарабатывать тогда?

Самый главный секрет – это любовь к своей науке, исследованиям, затем ценность для тебя данного научного коллектива, твоих коллег, а уже потом зарплата, деньги. Это, конечно, идеализм, но именно, прежде всего, такие люди собрались в НИИКСИ. Некоторые ухитрились там и дневать, и ночевать. Неслучайно, чуть не каждый второй у нас писал стихи (и я тоже), причем хорошие стихи. Это в основном «шестидесятники», «последние из могикан». Сейчас таких уже нет и не будет. Но и что-то зарабатывать мы могли. Я упоминал о хозрасчетной лаборатории, в которой собрались археологи. Так, они периодически зарабатывали очень приличные деньги, так как постоянно требовались историко-культуро-археологические экспертизы для бизнесменов, строителей, собственников. Конфликтологи тоже зарабатывали, завели мы в 90-ые и бюро управленческого консультирования и маркетинга (рук. А.Н. Рождественский). И я пользовался широким кругом своих знакомых и получал контракты для института, то на какой-нибудь опрос, то на социально-психологический тренинг на выезд и т.п. А еще иногда перепадали и гранты. К тому же прибавилось преподавание в негосударственных ВУЗах, которых появилось немало. Конечно, все это было лоскутное одеяло бедняка. Но, как писал один из нас:

Мы – люди, которые в девяностые
работали меньше, чем за гроши.

Но с толку не сбили нас ушлые «крестные
отцы» толерантной заморской лжи!

Нас то не сбили с толку, но зато успешно проманипулировали теми, кто руководил нами. В университете и в НИИКСИ стали появляться какие-то американские «гонцы» и «просветители», которые весьма примитивно агитировали быть всеотерантными и идти по западному пути, учась на их примере. Появилась и ничтожная, постыдная «гуманитарная помощь» в виде игрушек, мыла и каких-то сомнительных продуктов. Только удивительная преданность науке и привязанность к коллегам-друзьям-единомышленникам помогла институту выжить в те предательские и, в прямом смысле слова, «умопомрачительные» и «убийственные» девяностые.

9. Как Вы оцениваете в целом деятельность НИИКСИ с позиции сегодняшнего дня? Что принесло успех? Были ли просчеты? Были ли, с Вашей точки зрения, объективные (или только субъективные) предпосылки для закрытия НИИКСИ? Какова Ваша версия о причинах закрытия института?

НИИКСИ до 1989 г. – творческое научное учреждение, выполняющее востребованную и необходимую работу во имя развития страны, причем планирование социально-экономического развития промышленных предприятий, трудовых коллективов – это действительно выдающееся достижение НИИКСИ, достойный ответ на американскую концепцию «человеческих отношений». Тем более, что наши разработки реально внедрялись в жизнь, буквально преобразуя и обновляя трудовую, бытовую и культурную деятельность предприятий, чему я был свидетелем в Ленинграде, Николаеве, Витебске, Кургане. За этот научно-практический вклад директор Института проф. А.С. Пашков был удостоен Государственной премии, а многие сотрудники

награждены медалями ВДНХ (Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства). Вполне логично мы стали переходить от исследований и социального планирования в трудовых коллективах к исследованиям образа жизни населения и далее к социальному планированию по месту жительства, к учету запросов людей в этой сфере и к созданию соответствующих условий и возможностей быта и досуга в их развитии (я уже упоминал об этой ленинградской программе, разработанной под моим научным руководством в 1986-87 гг.). Однако политическое и экономическое положение в стране в конце 80-х так стремительно менялось, что всем стало не до программы, когда вдруг возникли различные дефициты, включая сигареты и зубную пасту, а СМИ были переполнены всевозможными разоблачительными и скандальными материалами, появились соответствующие отечественные фильмы, а также видеосалоны с зарубежными порнушно-чернушными фильмами.

Главным просчетом был общий просчет всех советских граждан, поверивших политикам вроде М. Горбачева и компании, а затем Б. Ельцина, Е. Гайдара, А. Чубайса и т.п., которые нагло обманули и лишили народ сбережений, разрушили государство, вместо его совершенствования, и приватизировали общественную собственность, ввергнув нас таким образом в олигархический дикий капитализм. В НИИКСИ в начале 90-ых произошло нечто аналогичное. Директором был выбран очень «выездной» в советское время в США и другие капиталистические страны профессор Т. (имя его не буду называть, так как он несколько лет назад умер, причем в США), пообещавший по-советски наивным сотрудникам института процветание НИИКСИ (в том числе зарубежные командировки), обещание было основано на его связях в США и Канаде. Незадолго перед этим он был уличен в плагиате московскими коллегами, о чем я рассказал во время процедуры его избрания, возражая против такого выбора. Но тогдашнее одурманивание Америкой («Гуд бай, Америка» настанет позднее) было так велико на фоне крушения и нищеты Отечества, что такие «этические

мелочи», как плагиат, были вытеснены из сознания. В результате, слетав несколько раз в США на и без того скудные деньги института, новоявленный директор в свою последнюю командировку там и остался. А сотрудники стали вспоминать мою позицию во время его выборов...

В дальнейшем, в 2007 г. закрывали не только НИИКСИ, а все научно-исследовательские институты СПбГУ разом. В Министерстве образования и науки РФ, а может и на еще более высоком уровне, созрели такие «прогрессивные» идеи, связанные, прежде всего с экономией средств. Таким же образом была ликвидирована и отраслевая наука, а теперь это же происходит с РАН. Какие-то современные реформаторы полагают, что наука – это только публикации в западных журналах, нечто электронно-бумажное, а все предметно-вещественное – это уже техника. Поэтому достаточно одной «перекроенной» Академии наук, а в университетах пусть преподают и одновременно пишут статьи (монографии уже не в чести) и публикуют их, в первую очередь, за рубежом. Главное, чтобы был индекс Хирша, но не отечественный, а в Scopus или Web of Science. Я уже говорил, что НИИКСИ продержался дольше всех остальных институтов СПбГУ. Причины закрытия институтов – субъективные, связанные с закулисными решениями власть имущих, чьи директивы исполнял ректор и ректорат университета. Ректор склонил некоторых деканов выступить мнимыми инициаторами закрытия ненужных институтов, которые не зарабатывают денег в требуемых объемах (а факультеты зарабатывают на платном обучении). Но как раз НИИКСИ в те годы хорошо зарабатывал и даже делился с факультетом социологии, с которым составлял учебно-научный центр.

10. Как Вы считаете, в настоящее время может ли возникнуть перспектива реконструкции НИИКСИ, пусть даже в другой организационной форме? Есть ли потенциал у этой идеи? Насколько это соответствует современным тенденциям Минобрнауки РФ по слиянию

разнопрофильных образовательных и научных организаций? Созрели ли предпосылки для этого?

Потенциал у идеи воссоздания института комплексных социальных исследований, конечно, есть. Но создать сейчас его можно было бы только в РАН, если бы саму академию не угнетали некомпетентные люди. При современном неадекватном реформировании российской науки это невозможно и превратится в профанацию. Это невозможно и в частном порядке, потому что нет таких интеллектуальных, патриотичных и щедрых олигархов.

11. Давайте представим, что в настоящий момент есть организационно-финансовые основания для реконструкции НИИКСИ. Какие научные проблемы и научно-организационные вопросы могли бы быть решены в рамках деятельности такого научного коллектива?

Даже, если бы НИИКСИ был создан, он не смог бы полноценно работать, ибо при капитализме, тем более при современном российском псевдокапитализме, ему пришлось бы разрабатывать социальные проблемы, лишённые критериев истинности и социальной справедливости. В настоящее время поиск истины не интересует так называемые властные элиты. НИИКСИ превратился бы в разработчика всевозможных манипулятивных технологий управления и либерально-технократических утопий, точнее антиутопий. Читайте «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли.

12. Можно ли сказать, что в период деятельности НИИКСИ сформировалось Ваше профессиональное кредо руководителя? В чем оно заключается?

Не кредо, а скорее ряд принципов научного руководства: 1. исходя из системного анализа коллектива (группы), в том числе учета его полиментального профиля (на основе моей концепции полиментальности), делать вывод о совместимости руководителя с коллективом и возможности успешного руководства; 2. принцип деловой и социальной справедливости в отношениях с

исполнителями; 3. принцип коллегиальности с правом окончательного решения за руководителем; 4. адекватная система поощрений и порицаний; 5. признание своих ошибок; 6. обязательно быть «играющим тренером», т.е. реально участвовать в исследованиях.

13. Переходя от образа «Семенов-руководитель» к образу «Семенов-ученый», хотелось бы остановиться на некоторых ключевых событиях в развитии социальной психологии, сопутствующих становлению и развитию Ваших научных взглядов, интересов. Читателям нашего журнала Вы хорошо известны как один из авторов учебного пособия по социальной психологии (1979), подготовленного совместно с Е.С. Кузьминым. Расскажите подробнее, какие научные и организационные этапы предшествовали этому событию? Как создавался научный бестселлер «Методы социальной психологии»?

Первой в 1976 году была подготовлена коллективная монография «Методы социальной психологии» под редакцией Е.С. Кузьмина и В.Е. Семенова, которая вышла в издательстве Ленинградского университета весной 1977 г. тиражом 17629 экземпляров (ныне редкая художественная книга издается таким тиражом) и стала популярным учебным пособием. Таков был тогда интерес к социальной психологии, и я однажды с понятным восторгом наблюдал идущего по Садовой улице юношу, который на ходу читал наши «Методы». Дело в том, что сотрудники кафедры и лаборатории социальной психологии ЛГУ в 60-70-ые гг. активно занимались осмыслением и разработкой социально-психологических методов. Причем защищали кандидатские диссертации: А.Л. Свенцицкий по методу интервью, И.П. Волков по методу социометрии, В.Е. Семенов по методу контент-анализа. Готовясь к чтению курса «Методология и методы социально-психологического исследования», я как раз разработал классификацию методов социальной психологии, так как ни у кого, ни у нас, ни за рубежом настоящей классификации не обнаружил – только перечни методов.

Моя же классификация включала три группы методов: эмпирического исследования, моделирования и управленческо-воспитательные, образуя систему добывания социально-психологических фактов, их концептуально-теоретического осмысления и практического применения полученных знаний в целях управления и воспитания. Евгений Сергеевич всегда внимательно отслеживал научные занятия своих сотрудников, поэтому после моей очень успешной защиты в 1975 г. поручил мне разработать курс лекций по методам, а потом и составление, и редактирование «Методов социальной психологии», за что я с энтузиазмом и взялся. Проект монографии, композицию и авторов он одобрил. И я в соответствии со своей классификацией построил книгу. В первой главе я привел свою классификацию методов, а также описал семь стадий процедуры исследования и семь разделов отчета об исследовании. В следующих главах и приложении излагались конкретные методы. Кроме нас с Кузьминым авторами были В.А. Богданов, В.В. Бойко, И.П. Волков, Н.А. Васильев, А.А. Ершов, Н.Н. Обозов, В.Н. Панферов, А.Л. Свенцицкий, В.П. Трусов, Э.С. Чугунова. А рецензентом выступил автор первых и лучших у нас книг по процедуре и методам социологии В.А. Ядов. В «Методах» не хватало только Ю.Н. Емельянова, который позднее, в 1980-х гг. в нашей лаборатории занялся активными методами социально-психологического обучения.

«Социальная психология (История. Теория. Эмпирические исследования)» под редакцией Е.С. Кузьмина и В.Е. Семенова, вышедшая в издательстве ЛГУ в 1979 г. тиражом 24620 экземпляров, создавалась таким же образом. Евгений Сергеевич поставил задачу, я составил структуру и список авторов. Необычным в этой коллективной монографии было присутствие объемного раздела «Социально-психологические проблемы больших групп», в котором я дал более полный и четкий перечень больших групп, приближающийся к классификации; выделил и определил «средние группы» и более четко разобрался с определением и разновидностями общения (межличностное, групповое и

массовое). Другим непривычным разделом был заключительный «Прикладные социально-психологические исследования», где речь шла о промышленной социальной психологии, о психологии брака, семьи и рождаемости, о социально-психологическом анализе материалов СМИ, литературы и искусства. Оригинальным был раздел посвященный «Социальной психологии личности», написанный В.А. Ядовым, И.М. Палеем и В.С. Магуном.

14. В научных кругах Вы – известный специалист в области социальной психологии искусства и массовых коммуникаций. Данной проблематике посвящены и Ваша диссертация, и монографии, и ряд других крупных научных публикаций. Что послужило предпосылкой выбора данной отрасли социальной психологии? В чем заключался Ваш научный интерес? Насколько мне известно, в этот период Ваша лаборатория занималась промышленной социальной психологией. Как сочетались Ваши научные интересы с проблематикой лаборатории? Не было ли у Вас в связи с этим переживания внутреннего противоречия?

Дело в том, что старшеклассником в школе я занимался живописью и писал стихи. Учителя рисования советовали мне поступать в художественный ВУЗ, а учителя литературы, судя по моим сочинениям, говорили, что у меня литературные способности. Без всякого блата я прошел творческий конкурс в единственный в стране московский Литературный институт им. М. Горького, послав туда подборку своих стихотворений. Приехав в Москву, я успешно прошел и собеседование. Однако я сразу активно не понравился пожилому «комсомольскому поэту» (как его называли) Александру Жарову, который поставил мне тройку на экзамене по литературе. Таким образом я не прошел по академическому конкурсу. Конечно, было очень обидно. Вернувшись в Ленинград, продолжил писать стихи. Кстати, поступая на психологическое отделение философского факультета ЛГУ (факультет психологии появится позднее, в 1966 году), на устном экзамене по русскому языку и литературе я

получил пять с плюсом за анализ «Гамлета» и не без злорадства вспомнил А. Жарова. Начиная с юности, я общался со множеством поэтов, живописцев и прочих людей искусства, и больше всего меня поражал субъективизм и противоречивость их оценок художественных произведений, то же самое наблюдалось и у неискушенных людей. Именно это стало стимулом к моим занятиям тем, что я назвал «социальной психологией искусства». Работая социологом на крупном судостроительном заводе, а позднее в НИИКСИ, проводя исследования в ленинградском НПО «Светлана» или в НПО «Монолит» в г. Витебске, я одновременно дома занимался социально-психологическими исследованиями в сфере литературы и искусства. Впрочем, в исследовании НИИКСИ по заказу с Ленинградским ТВ в 1967-68 гг. я занимался контент-анализом новостных сообщений о трудовых коллективах. В дипломной работе я уже занимался контент-анализом литературных произведений в молодежных журналах, а в кандидатской диссертации эмпирическая часть работы включала еще и анализ живописи. В Лениздате в 1984 г. вышла моя популярная книжка «Искусство созидающее, искусство разрушающее: актуальные социально-психологические проблемы» (тираж 50000 экз.), а в 1988 г. «Социальная психология искусства» (изд-во ЛГУ, 7975 экз.). Таким образом, я стал зачинателем новой отрасли социальной психологии. Наконец, в тяжелом 1995 году вышла моя лучшая книга «Искусство как межличностная коммуникация (Социально-психологическая концепция)», посвященная «Светлой памяти профессора Ленинградского университета Евгения Сергеевича Кузьмина – основателя первых в нашей стране лаборатории (1962 г.) и кафедры (1968 г.) социальной психологии». Увы, книга была убого издана, на плохой бумаге (Изд-во СПбГУ, 1000 экз.). На защите моей докторской диссертации «Социальная психология искусства: предмет, концепция, проблемы» на факультете психологии в СПбГУ в 1996 году еще один ленинградский создатель отечественной социальной психологии Борис Дмитриевич Парыгин сказал:

«Впервые присутствую на защите, открывающей новую научную отрасль». Конечно, я был очень рад услышать такое от одного из наших главных социальных психологов. И еще надо сказать, что сразу после окончания школы я работал учеником слесаря-ремонтника на Балтийском заводе, а потом радиомонтажником в экспериментальных мастерских. Считал и считаю, что потрудиться рабочим на промышленном предприятии или в сельском хозяйстве так называемой творческой интеллигенции очень даже полезно. Более того, именно рабочие люди - самые справедливые и нравственно-здоровые, в отличие от современных гламурных персонажей «творческой» псевдоинтеллигенции. Поэтому сочетание промышленной психологии и социальной психологии искусства было для меня вполне органично.

15. Валентин Евгеньевич, нашим читателям интересно знать Ваше мнение о «Ленинградской научной школе» в отечественной социальной психологии. В 60-е годы прошлого века она зарождалась на двух факультетах Ленинградского университета: философском и психологическом. В связи с этим бытует мнение о существовании двух разных научных школ в социальной психологии.

С Вашей точки зрения, насколько данное мнение правомерно? Существует ли, с Вашей точки зрения, единая «Ленинградская научная школа» в социальной психологии? Если да, то в чем ее принципиальное отличие от научных школ, сформировавшихся в Москве, например, на факультете психологии МГУ или в ИП РАН? Другой взгляд на данный вопрос – существование четырех научных школ (т.е. две – ленинградские и две московские). Какова Ваша позиция по данному вопросу?

Мне думается, что нужно говорить именно о четырех, как минимум, современных школах в отечественной социальной психологии. Причем ленинградские, все-таки, немного более ранние. Соответствующие ленинградские научные работы появились в 1960-х гг., а московские - в 1970-х.

В Ленинграде - это школа Е.С. Кузьмина, официально зародившаяся в 1962 г. и развившаяся в Ленинградском госуниверситете, в лаборатории социальной психологии НИИКСИ и на соответствующей кафедре факультета психологии. Это психологическая школа, корни которой уходят к работам В.М. Бехтерева. Наиболее известные ее представители: А.Л. Свенцицкий (преемник Кузьмина по кафедре, 1989 г.), В.Е. Семенов (преемник по лаборатории, 1977 г.), И.П. Волков, Ю.Н. Емельянов, А.А. Русалинова, Э.С. Чугунова, Л.Г. Почебут, Н.Ю. Хрящева, В.А. Чикер, Т.В. Бендас, Ч.А. Шакеева и др. Вторая научная школа Б.Д. Парыгина вырастает из философских и социологических работ Г.В. Плеханова, а также других отечественных философов и социологов. Школа зарождается в середине 60-х годов на философском факультете ЛГУ (1968 г.) развивается на кафедре философии в Ленинградском пединституте им. А.И. Герцена, продолжается в Институте социально-экономических проблем АН СССР (1976-92 гг.), затем на кафедре социальной психологии, созданной им в Гуманитарном университете профсоюзов. Особенность моего восприятия школы Парыгина состоит в том, что под его руководством защитились десятки кандидатов наук, но я не могу назвать широко известных его учеников (может быть, это просто моя досадная неинформированность), кроме И.А. Мироненко и Т.И. Короткиной.

В Москве для меня очевидны также две школы: школа К.К. Платонова и Е.В. Шороховой (а теперь уже и А.Л. Журавлева) в Институте психологии РАН и школа Г.М. Андреевой на факультете психологии в МГУ им. М.В. Ломоносова. Мне безусловно ментально ближе школы Е.С. Кузьмина и К.К. Платонова, Е.В. Шороховой – А.Л. Журавлева.

16. Прежде, чем мы перейдем к следующему блоку вопросов, хотелось бы узнать Ваше мнение как ведущего специалиста в области социальной психологии, как Вы оцениваете состояние современной отечественной социальной психологии? В чем Вы видите перспективы ее развития? Есть

ли у нее будущее? Что, с Вашей точки зрения, тормозит развитие (или не способствует развитию) социальной психологии в настоящее время?

В контексте моей концепции российской полиментальности современная психология в стране, в том числе социальная, представляет собой все основные наши менталитеты. Так, все еще продолжают работать пожилые психологи, принадлежащие к просоциально-коллективистскому (социалистическому) менталитету, к счастью, у них есть ученики-последователи. В 90-ые гг. возникла христианская, точнее православная, психология, представители которой ориентируются на православные ценности и нормы. Однако не все, именующие себя христианскими психологами, таковыми на самом деле являются. Пожалуй, самой многочисленной в наше время группой психологов являются последователи различных западных психологических школ и направлений, принадлежащие к либерально-индивидуалистическому (капиталистическому) менталитету. Имеются и некие «психологи-экстрасенсы», выражающие по сути, шарлатанско-криминальный менталитет, их взялись легитимировать и рекламировать телевидение и другие СМИ. Наконец, существуют и психологи-эkleктики, которые пытаются сочетать несовместимые психологические направления. Но главным конфликтом внутри большой российской психологической псевдокорпорации сейчас, на мой взгляд, является противоречие между, условно говоря, «психологами-почвенниками» и «психологами-западниками». Это противоречие характерно сейчас для всей российской интеллигенции, его также можно назвать конфликтом между патриотами и глобалистами. С одной стороны, просоциальные коллективисты, которые объективно сближаются с православными, с другой – либеральные индивидуалисты, которые также объективно все больше сближаются с криминальными потребителями. Используем образы «братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, как метафору. В романе отставной поручик, патриот Дмитрий сближается с иноком Алешей, и они вместе противостоят

сближающимся западникам: подстрекателю-интеллектуалу Ивану и убийце-лакею Павлу Смердякову. В результате, их судьбы символичны: Смердяков кончает жизнь самоубийством, а Иван сходит с ума, вместе с тем Митя искупительно отправляется на каторгу, а Алеша опекает и направляет на путь истинный детей – будущее России. Отечественные психологи ныне сталкиваются с аналогичными ролями в современной российской драме. От их выбора зависит их собственное будущее, будущее психологической науки и в какой-то мере и всей России.

17. Согласны ли Вы с мнением, что в настоящее время ведущую роль в развитии науки играют исследователи-одиночки? Каковы Ваши взгляды по этому вопросу?

Изобретают, выдвигают новую идею всегда какие-то конкретные люди. Но большое значение имеет социальное окружение, позитивно или негативно влияющее на творческий процесс. Общественное стимулирование чрезвычайно важно. Разве Ломоносов, Менделеев, Павлов, Ананьев, Ломов были одиночками? А для больших проектов вообще нужен большой коллектив. То же социальное планирование появилось в НИИКСИ, даже не в лаборатории, а именно в институте. Идею надо обсуждать, развивать, поддерживать, одобрять, вдохновлять, взаимно стимулировать, воплощать, совершенствовать, в конце концов пробивать. И, конечно, нужен лидер, горящий творческий человек. И его непосредственное окружение: от заместителей до секретаря и лаборанта, разные люди с разными способностями и функциями. Впрочем, в науковедении уже давно все это изучено, концептуализировано. Поэтому уничтожение всех без разбора НИИ в СПбГУ, включая такой уникальный институт как НИИКСИ – это верх некомпетентности и глупости, самого настоящего вредительства (хорошо бы просто не ведали, что творят). Мы как раз в середине нулевых, в начале нового века, новой эры были на подъеме, появились энергичные умные молодые сотрудники, я как директор освоился и наладил необходимые связи, складывался

настоящий научный коллектив. Проводили хорошие новые исследования, конференции, издавали научные труды, новый журнал, появились самостоятельно заработанные по договорам и грантам деньги. А нас лишили юридического лица, начался мелочный бюрократический контроль, кадровые сокращения. Психологический климат начал меняться в худшую сторону, и чтобы выжить, пришлось войти в состав факультета социологии. И это уже был не научно-учебный центр на равных. Среди факультетских деятелей появились желающие поживиться за счет института. Но мы не сдавались в отличие от других, сразу «исчезнувших» научных институтов... И в таких бюрократических, нетворческих условиях, разрушающих научные коллективы, поневоле главными творцами становятся исследователи-одиночки. Не от хорошей жизни! Нет, современная наука – дело коллективное, коллективное творчество. Просто нынешняя элита не способна на творчество, его не понимает, и другим не дает творить. Пока доминирует убогая власть денег, которыми измеряется все, а все живое, настоящее творчество при этом умирает.

18. В чем Вы видите смысл интеграции современной науки и образования? Исследовательской и практической психологии?

Такая интеграция была найдена в СПбГУ в начале XXI века: научно-учебный центр, в частности, Центр «НИИКСИ-Факультет социологии». Выше я рассказывал об этом, но этой хорошей находке дали пожить всего 3-5 лет для разных центров. При этом необходимо ясно понимать, что большинство людей не универсальны. Часто замечательные ученые – неважные преподаватели и наоборот. Но в ВУЗах традиционно главным лицом является преподаватель, поэтому научный сотрудник обычно получает меньше денег и, вообще, меньше поощряется. Так что в вузах престиж научных сотрудников должен быть поставлен вровень с преподавателем. Ведь неслучайно за всю свою почти тридцатилетнюю историю факультет социологии только два раза получил университетскую премию на конкурсе научных работ. И оба раза это были люди

из НИИКСИ, естественно, после его вхождения в научно-учебный центр (в 2003 г. посмертно премию получил В.Т. Лисовский, в 2013 г. – В.Е. Семенов).

19. Личность ученого – многомерна. Ее невозможно измерить или описать тремя выделенными параметрами. Тем не менее, хотелось бы познакомить наших читателей с еще одной стороной Вашей личности, раскрывающей творческую составляющую образа «Семенов – свободный художник, гражданин, творец». Начнем с истоков. Насколько долгов был Ваш путь в профессию? Были ли в Вашей жизни какие-то события, которые значимо повлияли на Вас в плане выбора деятельности психолога?

Сначала, после школы я хотел поступить в Первый Ленинградский медицинский институт (в частности, потому что с подросткового возраста страдал аллергией и хотел вылечиться). Пошел работать в больницу при институте санитаром вместе с другими поступающими (абитуриентами) и студентами, уже учащимися в этом ВУЗе. У нас было несколько функций, в том числе, дежурство около покушавшихся на самоубийство («суицидников») и дежурство около тяжело больных (буквально умирающих), чтобы вовремя позвать врача, а также транспортировка почивших в морг. На моих глазах не умирали люди. Больше всего меня поражало то, что вот только что человек был жив, и вот уже не жив. При этом вроде ничего кардинально с его телом не изменилось, но он мертв. Как будто, что-то покинуло его. Это уже просто материальное тело, скульптура, а жизни нет... Вот тут-то я серьезно задумался о душе. А однажды случилось нечто совсем необычное. Я дежурил в отдельной палате, где по сути умирал, как говорили, секретарь какого-то нашего райкома партии. Он привычно что-то тихо бормотал. И вдруг резко сел в постели и уставившись на меня, а потом устремив ко мне палец, прохрипел: «Пойди к ним и скажи, что надо верить!» ... Про веру я кое-что знал с самого детства от моей замечательной доброй бабушки, но как сын военного ученого, кандидата технических наук, я и про науку кое-что знал. Поэтому я нашел отделение

психологии на философском факультете Ленинградского университета, поступил и стал там учиться.

20. Были ли в Вашей жизни моменты, когда вы пожалели о своем профессиональном выборе и, наоборот, что все эти годы поддерживало в Вас уверенность, что Вы сделали правильный выбор?

Мне всегда было интересно заниматься социальной психологией и смежными науками и особенно проводить эмпирические исследования и осмысливать, концептуализировать свои данные и данные других исследователей. Проводить поисковые исследования также увлекательно, как творить стихи. Этим все сказано.

21. Кого Вы могли бы назвать своими «единомышленниками» в науке? Какую роль сыграло в Вашей жизни сотрудничество с ИП РАНом, лабораторией социальной психологии, взаимодействие с К.К. Платоновым, Е.В. Шороховой и др. учеными, деятельность которых связана с Институтом?

Так как я давно в НИИКСИ привык к комплексности и междисциплинарности, то немного выйду за границы психологии, а также за рамки личного знакомства и времени своей жизни. Поэтому мои единомышленники – это прежде всего Федор Михайлович Достоевский, которого я считаю не только гениальным писателем, но и великим социальным психологом, Пителир Александрович Сорокин – безусловно великий социолог и социальный психолог, оставшийся русским и в США, Александр Сергеевич Панарин – глубокий междисциплинарный ученый. Все они очень русские люди и в тоже время мыслящие планетарно, но не по глобалистски, антагонисты общества потребления и поборники духовно-нравственных ценностей и социальной справедливости. Среди тех, с кем был знаком, – это психологи, бывшие моими учителями (некоторые заочными): Евгений Сергеевич Кузьмин, Алексей Александрович Бодалев, Владимир Николаевич Мясищев, Константин

Константинович Платонов, Борис Федорович Ломов. Ныне своими единомышленниками я вижу Анатолия Лактионовича Журавлева, Веру Александровну Кольцову, Андрея Владиславовича Юревича и еще целый ряд психологов ИП РАН. Не могу не назвать Алексея Сергеевича Чернышева из Курского госуниверситета и многих бывших сотрудников НИИКСИ.

Сотрудничество с социальными психологами ИП РАН с момента первого знакомства имело для меня важнейшее значение. Сначала я познакомился с Ольгой Ивановной Зотовой, потом с Екатериной Васильевной Шороховой, а потом со всеми (или почти) социальными психологами Института, прежде всего, А.Л. Журавлевым, В.А. Кольцовой, В.А. Хашенко, Ю.Н. Олейником, В.А. Сосниным. Первым весомым плодом нашего сотрудничества стала коллективная монография «Социально-психологические проблемы производственного коллектива» под редакцией Е.В. Шороховой, Е.С. Кузьмина, О.И. Зотовой, В.Е. Семенова, изданной в Москве в издательстве «Наука» в 1983 г. тиражом 6450 экземпляров. В дальнейшем я и сотрудники НИИКСИ постоянно участвовали в конференциях ИП РАН и печатались в изданиях Института, в том числе в главном в психологической науке страны «Психологическом журнале», в котором я имел честь стать членом редколлегии. Московские коллеги тоже бывали гостями наших конференций и изданий, А.Л. Журавлев стал членом редсовета альманаха НИИКСИ «Человек и общество». Не могу не вспомнить с благодарностью, что Ученый совет Института психологии РАН поддержал мою кандидатуру на присвоение звания Заслуженный деятель науки России в 2004 году. Моя особая признательность Анатолию Лактионовичу за его рецензию на цикл моих работ «Российская полиментальность и социально-психологическая динамика», за который я получил премию СПбГУ «За фундаментальные достижения в науке» в 2013 году. Это состоялось, несмотря на нежелание ректората меня награждать, так как я часто досаждал ему своей критикой и неудобными вопросами. Я очень ценю возможность публиковаться в Ваших

изданиях по таким значимым для меня темам как исследования духовно-нравственных проблем и российской полиментальности.

22. Валентин Евгеньевич, в Санкт-Петербурге хорошо известна Ваша общественная деятельность, в частности Ваша гражданская позиция по многим вопросам, связанным с жизнедеятельностью города. Вы – один из организаторов и активных участников СПб «Собора православной интеллигенции» и Межвузовской ассоциации духовно-нравственного просвещения «Покров», многих конференций по проблемам взаимодействия церкви, государства и общества... Что еще из Вашей общественной деятельности осталось для нас неизвестным? О чем бы вы хотели рассказать читателям нашего журнала?

40 лет я работал в Межрегиональной организации общества «Знание», награжден Золотой медалью им. Академика И. Образцова «За вклад в российское просветительство» и вот теперь с грустью вижу угасание ее деятельности. В эпоху информационных интернет-технологий не удастся найти адекватных путей развития. Увы, с чем-то, видимо, придется расстаться и может навсегда. Вместе с тем происходят и развиваются другие виды и формы общественной активности. Например, благодаря созданному в СПб Епархии Отделу по взаимоотношениям церкви и общества и, прежде всего, его руководителю о. Александру (Пелину) два года назад в городе были объединены все православные общественные организации. Как член президиума Совета православных общественных объединений, я вижу их действительно полезную деятельность, направленную на духовно-нравственное и патриотическое, экологическое воспитание, демонстрацию настоящей народной культуры, благотворительность, обсуждение острых проблем и акции протеста против аморальных и провокационных мероприятий, якобы связанных с культурой и искусством, а также неадекватных действий власти. В Петербурге без всякой «обязаловки» проводятся радостные и удивительные крестные ходы по

Невскому проспекту от Казанского собора до Александро-Невской Лавры, в которых участвуют до 100 тысяч горожан. Кстати, в конце прошлого года я с успехом провел круглый стол «Священник и психолог», где проявилась взаимная заинтересованность представителей этих видов деятельности, а главное самих верующих людей. Но я также вижу, что наша российская, русская молодежь все больше утрачивает свою национальную идентичность и все больше глобализируется, особенно по сравнению с исламской молодежью. И как раз главными хранителями самобытности, национальной культуры и русского языка выступают представители православия, казаки и провинциальные землячества.

Позвольте похвастаться. В этом году, «В благословение за усердные труды во славу святой Церкви» и в связи с моим юбилеем митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий наградил меня медалью святого первоверховного апостола Петра, а общественные организации города удостоили медалью «За заслуги перед отечественной культурой». Все же теплеет на душе от того, что другие люди помнят и ценят твои дела, твое равнодушие, желание хоть что-то улучшить в нашей общей жизни.

23. С Вашей точки зрения, в чем заключается роль нравственности в современном обществе, в современной молодежной культуре? Изменилась ли она по сравнению с 90-ми годами? Началом 2000-х?

Вроде бы проблема вечная: «О времена! О нравы!». Причем сейчас есть социальные ученые, которые считают, что по сравнению с временами рабства и крепостничества все несопоставимо лучше. С этим можно согласиться. Но человек, все-таки, соизмеряет происходящее в масштабе и контексте своей жизни. Хуже или лучше было жить 10, 20, 30, 50 лет назад? И как сейчас? ... В 80-ые годы самое «сладкое» слово у молодежи было «свобода!» ... А теперь, сужу по своим и коллег исследованиям, – «справедливость!». Значит поняли, что свобода без нравственных принципов и регуляторов приводит к ухудшению

жизни, к вопиющему росту имущественного неравенства, к абсурду, когда работающий человек порой не имеет даже прожиточного минимума. Появился новый класс прекариат, не имеющий никаких гарантий на завтрашний день, не имеющий будущего. А значит и дальше будет нарастать цинизм, аморализм и сопутствующие явления: коррупция, мошенничество, наркомания, преступность, проституция, СПИД, увеличение разводов, снижение рождаемости, наконец, терроризм. Кто виноват? Олигархический капитализм, да и вообще капитализм. Все мы виноваты, что в результате перестройки и реформ получили такую жизнь. Значит в рамках закона ее надо менять. Придется молодым заняться политикой, идти на выборы, протестовать в рамках закона. Кстати, у патриотических граждан есть очень хороший руководящий документ: Указ Президента РФ №683 от 31.12.2015г. «Стратегия национальной безопасности РФ». Вместе с тем, психологи не должны убаюкивать людей, все сводить к личным проблемам, тренингам оптимизма и конкурентной способности, ибо это значит оттолкни другого, чтобы тебе было лучше или погрузись в медитацию, самовнушение и т.д. Манипуляция и паллиатив. А психолог становится слугой и пособником олигарха и богатого коррупционера. Безнравственность является, прежде всего, производной от несправедливости.

24. Вы известны не только как ученый-исследователь, но и как поэт. Как сочетаются в Вас эти разные творческие состояния?

Хорошо сочетаются. Причем, то левое полушарие больше работает, то правое. Еще в 60-х гг. я про это двойное творчество стихотворение написал. Вот строчки из него:

Бреду, опять на рифмы обречен,
по улицам, шепча и причитая.
Но сел к столу – в науку обращен,
с азартом индексы считаю...

И здесь я сразу вспоминаю еще одного замечательного психолога и человека из ИП РАН, который к тому же писал хорошие стихи – Владимира Николаевича Дружинина. Я познакомился с ним в 1993-м году на конференции в Петербурге, которую проводил Б.Д. Парыгин. Владимир Дружинин погиб рано, как поэт, в 45 лет. В один из моих приездов в Москву мы подарили друг другу свои книги. Раскрыв его книгу «Психология общих способностей», я прочел: «Лучшему социальному психологу Ленинграда-Петербурга от автора». Я вопросительно взглянул на него. «Да, я так считаю.», - сказал он. Талантливые люди видят способности и у других. Они щедры. Спасибо тебе, Институт психологии!

25. Завершая интервью, традиционный вопрос, что бы Вы пожелали читателям нашего журнала?

Простите, но процитирую из стиха, в котором я желал сотрудникам ИП РАН на их 40-летие. Просто остается актуальным:

Всегда оставайтесь самими собой –
В согласьи с российской ментальной судьбой.
Чтоб принципом главным у наших наук
стал вновь: «Человек Человеку – Друг!».
И целью развития: «Человек – Творец!»,
а не потребитель и пошлый делец.

Валентин Евгеньевич, не так давно Вы отметили свой 75-летний юбилей. Позвольте Вас поздравить от лица наших коллег – сотрудников лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, а также редколлегии и читателей нашего журнала и пожелать Вам здоровья, оптимизма, бодрости духа, новых научных трудов и поэтического вдохновения.

**HISTORY AND EXPERIENCE OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL
SCHOOL OF THE RESEARCH INSTITUTE OF COMPLEX SOCIAL
RESEARCHES (RICSR) OF THE SAINT-PETERSBURG (LENINGRAD)
STATE UNIVERSITY
(INTERVIEW WITH V.E. SEMENOV DUE TO HIS 75th ANNIVERSARY)**

The interview with the Russian social psychologist, the Doctor of psychology, professor Valentin Evgenievich Semenov was dated of his 75th anniversary. There presented several images of the scientist – the leader, the researcher, the public figure, the poet. Semenov's memoirs reconstructed the difficult period in the development of domestic social psychology, namely of the Leningrad school created by E.S. Kuzmin. The stages of formation and the reasons of completion of activity of the Research Institute of complex social researches in detail stated. The scientist's views of communication of the past, the present and the future of the domestic social psychology also given. The questions of the interview prepared by the director IP RAS Anatoly Laktionovich Zhuravlev^{***} with the senior research fellow of laboratory of social and economic psychology of IP RAS Tatyana Valerievna Drobysheva^{****}. The questions were asked by T.V. Drobysheva, questions and V.E. Semionov's answers are below.

^{***} Zhuravlev Anatoly Laktionovich, full member of the Russian Academy of Science, professor, Director of the Federal-State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, 13/1 Yaroslavskaia str., Moscow, 129366; e-mail: adm3@psychol.ras.ru.

^{****} Drobysheva Tatyana Valerievna, Ph.D, senior research officer in the laboratory of social and economic psychology, the same place; e-mail: tdrobysheva@mail.ru.